

ее гадостью, но под ней все-таки правда жизни, потому что чего-нибудь всегда кому-нибудь хочется, от чего-нибудь больно или радостно, но в искусстве ложь уничтожает всю связь между явлениями, порошком все рассыпается».<sup>90</sup>

Вот он и ограничился фразой: «Книгу вашу прочел». Мнение о Достоевском в основном не изменил; воспоминания Страхова лишь укрепили его: «Из книги вашей я в первый раз узнал всю меру его ума. Чрезвычайно умен и настоящий. И я все так же жалею, что не знал его». И высказал крайне неблагоприятное мнение о «маленьком комментарии» к биографии: «Письмо ваше очень грустно подействовало на меня, разочаровало меня».<sup>91</sup> Довольно прямо сказано в глаза Страхову, что Толстой именно им разочарован, его состоянием души опечален. Терзания запутавшегося в своих чувствах биографа Толстой объяснил общим, к сожалению распространенным, предрассудком, требующим неперемного и слепого поклонения. Вот и Страхов стал «жертвой ложного, фальшивого отношения» к Достоевскому, «преувеличения его значения и преувеличения по шаблону, возведения в пророка, святого — человека, умершего в самом горячем процессе внутренней борьбы добра и зла. Он трогателен, интересен, но поставить на памятник в поучение потомству нельзя человека, который весь борьба».<sup>92</sup> Толстой не только объясняет причины литературного «двойничества» Страхова, но и полемизирует с содержанием его письма, брезгливо обходя примеры и подробности, не желая опускаться до уровня грязных сплетен. Но письмо на него все же повлияло, породив рассуждение о людях с «заминкой» и без «заминки». С «заминкой» Достоевский — хоть и «рысак», «да никуда на нем не уедешь, если еще не завезет в канаву». Так что, полагает Толстой, у Достоевского «весь ум и сердце пропали за ничто» и его «переживет» Тургенев — только потому, что без заминки. Сравнение остроумное, но несправедливое, навеяно письмом Страхова — позднее Толстой самым радикальным образом переменил свое представление о Достоевском.

Страхова разочаровал ответ Толстого: он ожидал гораздо более сильной и определенной реакции. Страхов высказал Толстому несогласие с его представлением о Достоевском, добавив своего рода надрывную и болезненную сентенцию, которая могла только покоробить Толстого: «Сказать ли, однако, прямо? И Ваше определение Достоевского, хотя многое мне прояснило, все-таки мягко для него. Как может совершиться в человеке переворот, когда ничто не может проникнуть в его душу дальше известной черты? Говорю — ничто — в точном смысле этого слова; так мне представляется эта душа. О, мы несчастные и жалкие создания! И одно спасение — отречься от своей души».<sup>93</sup> Сентенцию Толстой, видимо, не понял и не принял.

Молчание Толстого о биографии задело Страхова, и он предпринял робкую и непоследовательную попытку самооправдания: «В своих *Воспоминаниях* я все налегал на литературную сторону дела, хотел написать страничку из *Истории литературы*; но не мог вполне победить своего равнодушия. Лично о Достоевском я старался только выставить его достоинства; но качеств, которых у него не было, я ему не приписывал. Мой рассказ о литературных делах, вероятно, мало Вас занял?»<sup>94</sup> Объяснения-оправдания плохо согласуются со словами в биографии о Достоевском — человеке, достойном умиления, «наружные мелочи» и «слабости» которого «почти вовсе не име-

<sup>90</sup> Там же. Т. 1. С. 306.

<sup>91</sup> Там же. Т. 2. С. 655.

<sup>92</sup> Там же.

<sup>93</sup> Там же. С. 660.

<sup>94</sup> Там же.